

Джонатан ненавидел, когда ему начинали намекать на его «зависимость» от кого-то, и эта нелюбовь сыграла одну из главных ролей на Совете Старейшин. Зажравшиеся старики... Невежливо? Да, но по-иному не назвать. Оценивали не его достоинства, а его способность подчиниться и следовать их указам. Глава Клана — это большая ответственность? Да, он знает. Он видел масштабы, чувствовал силу и могущество, затаенное в одном большом квартале. Он слишком молод для такого титула, но учитывая хорошее отношение бывшего Главы к нему, они решили присмотреться? Да черта с два они бы посмели так не сделать! Сальери видел письменный указ о преемнике (не кандидате, преемнике!). А пункт о согласии Старейшин явно был сделан для того, чтобы те не стали сразу против юного Главы. Но почему-то кое-кто явно не улавливает разницу в значениях между «преемник» и «кандидат». И это выбешивало даже больше чем хмыканье и фыркание достопочтенных старейшин. Он, конечно, понимал, что бюрократия здесь не имеет большой власти, но игнорировать прямой указ бывшего главы... Хотя в его мире зачастую поступали не лучше.

Все его слова на этом вечере красиво игнорировали, просто кивая и продолжая гнуть свою линию: а что если Хокаге скажет так, а мы так? А что если принятое вами решение нам не понравится? А что вы сделаете, если Хокаге скажет вам нас заменить? А что если, а что когда...

— Кхм, — не выдержал в конце концов Сальери, сильно хмурясь, вставая и делая шаг вперед (еще один минус зала собрания Старейшин — старики сидят, а он перед ними как преступник, на простом стуле). — Я конечно все понимаю, но не могли бы мы вернуться к изначальной теме? К примеру... к последнему приказу Кагами-сана?

«И попробуйте только придраться к тому, что это не по закону. Сами же подписи ставили.» — Мрачно добавил он про себя, недобро щурясь. Эти старикашки его выбесили. Как станет главой (а он станет) тут же уберет их с этих насиженных мест.

Один из старейшин заметно разозлился... ну может для других и не заметно, а вот Джонатан к своим двадцати пяти настолько хорошо стал разбираться в эмоциях и чувствах человеческих, что многим казалось, что он иногда читал мысли. Поэтому разгневанный прищур, побелевшие костяшки (Господи, эти Учиха и без того бледнющие!) и подергивание краев губ. Видимо, он хорошо изучил обговариваемый документ, и хотел всячески отвлечь от него Фугаку, для получения титула заставив его подписаться на все их условия. Хитро, умно и очень просто. На такую уловку достаточно просто поймать невнимательного человека... но только не Джонатана Сальери.

— Учиха Фугаку. — Эти люди не глупы, но эмоции и долгое просиживание штанов сделали их сердца жесткими, неспособными принимать что-то отличное от их воли. И гнев от этого застит им глаза. — Документ, о котором мы говорим, не приказ, а просьба покойного Главы.

— Разве? Когда это, цитирую: «Моим преемником приказываю назначить...», стало просьбой? — Гордо вскинув взгляд, возразил Сальери.

— Предоставьте сам документ. — Холодно обрубил другой старейшина. И Джонатан даже похлопал его спокойствию: из всех стариков именно этот выглядел самым сложным

противником. На самом деле, не озаботясь он добычей сего документа, сейчас бы задохнулся от возмущения. Однако, хоть это и было не просто, он смог напярчь нужных людей и достать распоряжение о преемнике. Но отчего его внутренний «я» ликовал больше всего, так это от осознания своей... хитрости? Как оказалось, ксерокса здесь нет, а вот великолепные копировальные... личности были. Поэтому заставить их сделать десять экземпляров необходимого документа, совершенно одинаково и так, чтобы все выглядели как оригинал, не заставило особого труда (тем более они оказались его помощниками).

— Прощу. — Вынул на свет Божий необходимую бумагу Джонатан.

Старейшины почитали, покивали, а когда самый громкий из них собрался возмущаться, самый спокойный отложил бумагу, поднимаясь с места и спускаясь к нему. Движения были пропитаны силой, властью и гордостью. Его глаза цвета бездны неотрывно смотрели на него, а Джонатан отвечал таким же взглядом, внутри содрогаясь непонятно от чего. Сальери не любил проигрывать, а этот человек не любил неподчинение. Это чувствовалось, очень хорошо.

— Фугаку. — Холод, высокомерие, почему-то в памяти всплыло: «истинный Учиха». — Что ты говорил по поводу финансового положения клана?

— Что во время войны Учиха лишь чудом остались на своей позиции одного из сильнейших кланов. — Слегка отступая, почти рывкнул Джонатан. Сколько бы он ни работал в том мире, с такими пугающими личностями сталкивался впервые. Было страшно? Да, как на очень важной встрече. Волнительно и страшно. — Еще полгода таких трат, и никакие доходы от предприятий не спасут. Вы чем думали, позволяя кланам Яманака и Нара пользоваться оружием Учиха? Я, конечно, понимаю, война, боль, разруха, и проигрывающие мы, но с какого фига вы с них плату не брали? О скидках при покупке оптом не слышали?

Пожалуй, только ради ошеломленных лиц старейшин стоило это сказать, и, как оказалось, такие траты даже для них оказались новостью. Насколько Джонатан успел изучить клан Учиха, те были жуткими собственниками (ага, стоило ему остановиться поболтать с довольно симпатичной блондинкой, как потом столкнулся с ревнивым взглядом Микото... хотя истерик и даже вопросов... жена не задавала и не устраивала), но когда он увидел отчеты по предприятиям, то пришел в священный ужас (Учиха специализировались на продаже специального оружия, одежды и прочего и прочего для ши-но-би, получали стабильный доход от своего полицейского участка, и успешно поддерживали уровень дебета от еще нескольких предприятий)... и вот все это было бездарно пущено на самотек! Из цепких ручек Учиха уплывали баснословные суммы, по отдельности ничего не значащие. Здесь утечка, там утечка, тут плату не взял, тут недосчитался, здесь пустил на склад по старой дружбе, там закрыл глаза на безобразие... Вот такую гордость и показушничество Джонатан не любил больше всего. И если в семьях миллионеров один-два мажористых отпрыска, то в этом клане целая орава. Это только с виду неприступные глыбы льда, на самом деле те еще проказники (особенно дети от одиннадцати до семнадцати).

— Что? Не знали? — Хмыкнул Сальери, обводя старейшин взглядом. Адреналин бурлил в крови, а в своей родной стихии он наконец начал расслабляться. Память, выуживаемая по ходу дела, учтиво подсказывала некоторые моменты (особенно те, что касались имен и кратких справок о

личностях), а уж предоставленные крохи информации Джонатан использовал со всем умом. Но наглеть, конечно же, не стоит. — Поэтому я предлагаю назначить меня Главой, чтобы я исправил это и многие другие упущения, которые наш клан совершил во время войны. Я не прошу вас помогать, но прошу предоставить мне такие полномочия, с которыми я смогу привести наш клан к небывалым высотам.

— А что поводу твоей силы? Глава должен уметь защитить себя и своих родных. — Слегка наклонил голову вбок тот самый старик, который до сих пор сверлил его взглядом.

— Глава никогда не сражается один, — пылко возразил Джонатан. — Глава ведет, Глава помогает и приказывает. Да, Глава служит и защищает свой клан, он следит за его благополучием, силой и репутацией, но если погибнет Глава, то клан останется без направляющей руки, поэтому глупо говорить: должен защищать.

В его груди жарким пламенем пылал дикий, необузданный огонь, который мощным потоком разливался по венам, заставляя Сальери ощущать себя всемогущим. Внутри все восставало против его слов, все рвалось доказать, что он достаточно сильный, чтобы в одиночку защитить своих людей. Разум Джонатана твердил одно, глупое сердце нового тела говорило обратное. Старейшина прищурился, ему тоже не по душе пришлось высказывание Сальери. Он словно прямым текстом говорил: у нас есть сильные бойцы, пусть они защищают, а я позабочусь обо всем остальном.

— Разумно. — Вдруг пробасил до этого молчавший старик.

— Шибачи?

— Разве Глава Нара и Глава Абураме не делают также?

— Мы не...

— Мы — Учиха. — С гордостью и чувством собственного достоинства заявил старейшина Шибачи. — Глава клана — это, в первую очередь, не показатель силы, а показатель ума и мудрости руководителя, полководца, отца и примера для детей всего клана. Мы не глупцы, чтобы кидать такого человека в пекло, где он погибнет, но и не трусы, чтобы назначать слабого. Вспомните, за что Кагами сделал его преемником? В одиночку уничтожить отряд чуунинов едва достигнув ранга токубецу-джоунин.

— Это были отбросы!

— А ему было всего тринадцать.

Старейшины умолкли, и Джонатан присмотрелся к Шибачи. Сухопарый, невысокий, сам по себе невзрачный. Единственное, что в нем поражало, так это сила голоса. Не было старческого

скрипа или побряхтывания, исключительно глубокий, обволакивающий голос.

— Я согласен с Шибачи. — Вдруг кивнул сам себе тот самый старик, который уже успел вернуться на свое место, и шепотом переговорить с соседом. Взгляд его черных, холодных глаз, до сих пор блуждал, выискивая и запоминая детали. — Фугаку никогда не был трусом, а теперь еще и избавился от своей дурости, взявшись за ум.

А в мыслях Джонатан услышал голос своего декана, когда тот в шутку оценил его эссе: «принято!»

<http://tl.rulate.ru/book/38968/845940>